

Сибирь как объект внутренней колонизации: воспроизводство отдельности и конструирование целостности

Е.А. ЕРОХИНА, доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск. E-mail: leroh@mail.ru

В статье рассматриваются историко-социологические аспекты трансформации образа Сибири в общественном сознании россиян в XIX – XXI вв. На основе анализа текстов историков и философов прошлого, а также современных исследователей показаны причины амбивалентного восприятия региона. Делается вывод о том, что интеграция Сибири в социокультурное пространство России является результатом самоколонизации последней. Современная экзотизация Сибири позволяет заключить, что этот процесс к настоящему времени до конца не завершен.

Ключевые слова: колонизация; целостность; различие; Н. М. Ядринцев; Россия; Сибирь

Совершенствование отношений между центром и регионами России является не только одной из актуальных прикладных задач политико-правового и административного регулирования, но и научной междисциплинарной проблемой, вызванной к жизни противоречиями в отношениях власти и общества. Данная проблема имеет отчетливо выраженный историко-социологический аспект, обусловленный трансформацией как российского общества в целом, так и составляющих его региональных (территориальных) сообществ.

Обращаясь к теме регионального развития, невозможно обойти вниманием связь населения и территории, которая имеет не только экономическое, социальное и политическое измерение, но и символическое. Из ощущения укорененности возникают региональная идентичность и локальный патриотизм, позитивное по своей природе чувство принадлежности к малой родине. Однако укорененность способна производить и иные эмоции, порожденные социальным сравнением, связанные с ощущением несправедливости и острым переживанием дистанции неравенства. Социальная мобилизация, опирающаяся на чувство досады жителей периферии по отношению к центру, который

ими управляет, способна производить политические эффекты, приводящие к кризису власти.

Как осуществляется интеграция региональных сообществ в более крупные социальные образования? Изменился ли статус территорий на востоке России, присоединенных, но почти не интегрированных в ее социокультурное пространство на протяжении более чем трех столетий после сибирских походов Ермака? Как восприятие сибиряками своего места в огромной России влияет на их самовосприятие в качестве россиян?

Эти и многие другие вопросы, важные для жизни сибирских сообществ, были поставлены в авторской интерпретации Н. М. Ядринцевым в работе «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении», впервые опубликованной в 1882 г. Сам Николай Михайлович сформулировал цель своей работы так: *«Малонаселенные земли, по выражению Литтре, призваны играть огромную роль в будущем человечества. Мы имели в виду рассматривать положение Востока именно с этой точки зрения. Затем мы не могли не коснуться того этнологического процесса и всех изменений, какие совершаются в обстановке новой страны. Необходимо изучить все особенности ее, влияние на человека, все оригинальные проявления быта для того, чтобы составить понятие об условиях человеческого существования здесь. Наконец в этой стране мы видим зарождающееся общество, в котором проявляются те же человеческие стремления, постепенно формируются кости и мускулы живого организма, совершается промышленный и культурный рост, пробуждается гражданская жизнь и духовные потребности, которые требуют удовлетворения»* [Ядринцев, 1892. С. IX–X].

Данный фрагмент примечателен наличием клише, присущих эпистемилогической матрице конца XIX в. («Восток», «этнологический процесс», «живой организм») и отсылающих нас к ориентализму, экзотизации культурных различий, позитивизму. Однако примечательна также и связь между историческим оптимизмом с его верой в «будущность человечества», с одной стороны, и освоением «малонаселенных земель», или колонизацией – с другой. В этом свете колонизация предстает не столько в привычном для нас понимании ее как угнетения и гегемонии, сколько в форме закономерного и целенаправленного процесса, пусть даже сопряженного с некоторыми издержками, нуждающимися в преодолении.

Собственно, на это преодоление и направлен публицистический пафос произведений Ядринцева.

Такая интерпретация колониционного процесса рассматривает Сибирь как «наш Восток» – пространство одновременно пугающее (отсталостью и несовершенным настоящим) и притягивающее (будущими перспективами). Данный образ предполагает оппозицию свойскости (тождества) – инаковости (различения). Попытаемся выделить некоторые ключевые вехи, обозначающие процесс трансформации образа Сибири в общественном сознании россиян в конце XIX – начале XXI вв., а также связанный с ним тренд на статусный рост сибирского региона в системе российских внутривосточных координат, от характеристик, подчеркивающих его «инаковость», к характеристикам, репрезентирующим его «свойство» «коренной» России.

Методологическим инструментом такого исследования, на наш взгляд, может послужить модель «своего иного», восходящая к диалектическому методу Г. Гегеля. В гегелевской диалектике процесс развития мыслится как движение, направленное первоначально на превращение в свою противоположность, на приобретение системой характеристик, принципиально отличных от исходных. Однако самоотрицание оказывается лишь переходом к новому отрицанию, «отрицанию отрицания», что в концепции Гегеля означает «снятие» старых и формирование новых противоречий, соответствующих достигнутому качеству системы.

Данная модель, известная в философии как триада «тезис – антитезис – синтез», позволяет объяснить не только смену качественных состояний в развитии природных и социальных объектов, но и закономерности человеческого восприятия и познания. В этой статье она служит для обнаружения устойчивых механизмов воспроизводства ментальных клише, акцентирующих антиномические стороны имиджа региона («край каторги и ссылки», «страна холода и мрака» vs «земля обетованная», «наше Эльдorado»), а также выявления обозначенных в данной статье как «точки сборки» ключевых этапов истории региона, каждый из которых связан с новым качеством интеграции Сибири в социокультурное пространство России. Логика этого движения отражена в последовательности этапов изменения статуса региона: от внутренней периферии – к провинции, от провинции – к новому

его ядру, сосуществующему с исторически сложившимся центром российской государственности.

Оппозиция «свойства» – «инаковости» имплицитно содержится в трех самых популярных на сегодняшний день концепциях колонизации: теории фронта, внутренней геополитики и внутренней колонизации. Теория фронта, предложенная американским исследователем Ф. Дж. Тернером в конце XIX в., получила развитие в сибиреведческих исследованиях на рубеже XX – XXI вв. в работах А. Д. Агеева, Д. Я. Резуна, А. В. Ремнева. Концепция внутренней геополитики остается влиятельной теорией в течение почти ста лет в исследованиях французских (П. Видаль де ля Блаш, Ж. Готтманн, И. Лакост) и российских исследователей (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. В. Ильин, В. Л. Цымбурский), работающих на стыке политической географии, цивилизационной геополитики и истории идей. Концепция внутренней колонизации является самой молодой из них. Ее возраст не превышает половины столетия. В данной статье предпочтение отдано ей ввиду той значимой роли, которую ее сторонники придают концепту «дистанция». Именно этот концепт позволяет нам как стороннему наблюдателю фиксировать «переключение режима» восприятия образа Сибири в сознании россиян по условной шкале между полярными позициями «включения» и «исключения». «Включение» предполагает конструирование целостности через приписывание структурным компонентам образа России качеств, соотносимых как с целым, так и с его частями (в нашем случае – Сибирью и Севером). Яркий пример такого конструирования – образ России как Гипербореи, отсылающий к северному характеру страны. В свою очередь режим «исключения» фиксирует различие России и Сибири и в пределе – отдельность последней. Между этими полюсами располагается широкий спектр регистров, переключение которых либо сокращает дистанцию между регионом и «корневой» Россией, либо увеличивает. При этом следует понимать, что полное отождествление Сибири и России невозможно даже в образных проекциях.

Серьезный вклад в разработку понятия «внутренняя колонизация» внес Майкл Хэтчер. В работе «Внутренняя колонизация. Кельтская окраина Британской империи» он показал, что зависимость кельтской «периферии» от английского «ядра» мало чем отличается по своему характеру от колониальной зависимости

заморских окраин Британской империи [Hechter, 1977; Храмов, 2012]. В обоих случаях речь идет о доминировании имперского центра над периферией. Дальнейшие исследования данного феномена учеными из разных стран позволили выявить на историческом материале интересную закономерность: наиболее эффективные практики воздействия на население заморских колоний со временем становились элементами принуждения по отношению к населению метрополий.

На российском материале данный концепт был использован в исследованиях А. Храмова, А. Эткинды, И. Кукулина. В работе «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» Александр Эткинды приходит к выводу, что главным вектором данного процесса, если перефразировать известную фразу В.О. Ключевского об истории России как истории колонизации, является самоколонизация [Эткинды, 2013]. По мере того, как Россия завладевала новыми территориями за пределами исторического ядра формирования своей государственности, объектами колонизации оказывались не только народы на вновь вошедших территориях, но и сами русские люди.

В работе 2013 г. [Эткинды и др., 2013. С. 31] авторы определяют внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления внутри государства. Они указывают на различие внутренней колонизации России и других империй, территории которых лежали за океаном. Если во втором случае основанием для выстраивания социальных отношений по линии «господство – подчинение» оказывались этнические или расовые признаки, то в случае России таковыми чаще всего становились сословные различия.

Именно этим различиям приписывалось подчас максимальное значение, что открывало возможность как для кооптации иноэтничной знати в высшее сословие Российской империи, так и для манипуляции этническими категориями в управленческих целях. Этнические различия могли минимизироваться, а сословные, напротив, преувеличиваться, если это было выгодно власти [Капеллер, 2000. С. 47; Эткинды и др., 2013. С. 37, 39].

В истории России это привело к парадоксальным результатам, когда предметом экзотизации (более всего нуждающимся в «колонизирующем» воздействии, патерналистской заботе и опеке со стороны государства) оказывался сам русский народ.

Здесь уместно вспомнить об эксперименте по приглашению в Россию немецких колонистов, осуществленном Екатериной II в 1760-х гг. Одна из целей этого проекта состояла в том, чтобы привить русским крестьянам более современные формы ведения сельского хозяйства.

Элементом экзотизации является и романтизация «народного» начала, приписывание русскому этносу черт «первородства». На этом основывалось, в частности, формирование в XIX в. мифа о «мужике» как носителе неких «исконных» начал русской жизни.

Другим парадоксальным результатом самоколонизации стало увеличение категорий различия, в то время как европейские государства в своих владениях осуществляли политику нациестроительства, культурной гомогенизации, сокращения языкового разнообразия. Эткинд, Уффельманн и Кукулин отмечают, что одной из важнейших административных практик в истории России стало взаимное обращение социальных и культурных различий, определение этносов по аналогии с сословиями и придание сословиям черт субэтносов. «С этой практикой была тесно связана внутренняя колонизация, при которой власти принципиально не желали делать различий между разными типами колоний: исторически недавно присоединенные области описывались как “исконные”, а на территориях, входящих в историческое ядро России, то и дело находились экзотические, таинственные социальные группы: старообрядцы, скопцы или просто лесковские “антики” или крестьяне-“головотяпы” из “Истории одного города” Салтыкова-Щедрина» [Эткинд и др., 2013. С. 44].

Данные особенности характеризуют практики социальной дифференциации не только в отношении населения, но и в отношении отдельных регионов. В качестве самого яркого примера неразличия внешнего и внутреннего, «исконного» и экзотического авторы называют Украину. Несмотря на то, что уже к концу XVIII в. были ликвидированы почти все черты ее автономии, а территория все более превращалась во внутреннюю часть российского ядра, в художественной литературе Украина предстает экзотической страной, населенной удивительными существами [Эткинд и др., 2013. С. 44–45].

Многое из сказанного справедливо и в отношении Сибири. Когда в 1881 г. на волне празднования 300-летия вхождения

Сибири в состав России был официально утвержден День Сибири, этот регион в сознании большинства россиян оставался экзотической окраиной.

Для интеграции региона в социокультурное пространство страны чрезвычайно важными были не только территориальная экспансия и формирование государственных границ, но и символическое присвоение новой территории. Восприятие Россией себя как особого рода географической целостности сопровождалось взаимообусловленными процессами конструирования и деконструкции границ между «внутренней» Россией и Сибирью [Агеев, 2005; Родигина, 2006; Ремнев, 2011].

Как писал Н. М. Ядринцев, *«едва ли есть на свете страна, подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения. С давних пор Сибирь была то предметом увлечений и похвал, предметом радужных надежд и мечтаний; то вдруг делалась предметом разочарований, порицаний и обманутых надежд»* [Ядринцев, 1989. С. 21].

Как всякий «периферийный образ» национального самосознания, размещенный на границе самоописания «своей» культуры, образ Сибири имел черты противоречивости и противостояния «центру»: с одной стороны, это «каторжный край», где все решает «право сильного», а злоупотребления власти не имеют границ, с другой – это мифическое Беловодье, «русская Америка», край свободных людей, не знавших крепостничества, «школа жизни», которую должен пройти каждый, кто тяготеет к ее «суровой правде» [Родигина, 2006. С. 45]. Как показало исследование Н. Н. Родигиной, на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. Сибирь оставалась хоть и «другой», но все же «Россией». Дуальность образа региона зафиксирована ею в подавляющем большинстве информационных сообщений и аналитических статей, опубликованных на страницах толстых журналов, столичных и местных газет, а также в текстах, написанных крестьянами-переселенцами (например, в письмах из Сибири на родину).

Для обозначения региона на рубеже XIX – XX вв. вводится еще одна «говорящая» номинация – Азиатская Россия. Именно так назывался атлас, изданный в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи [Азиатская Россия, 1914]. Примечательно, что антиномии, которые составляют содержание образа Сибири,

становятся до некоторой степени атрибутами самой России. Вольно или невольно, азиатские черты ее образа, запечатленные в стихотворении А. Блока «Скифы» и «Половецких плясках» в опере А. Бородина, нашли отражение и в практиках пространственного проектирования в рамках научного дискурса. Образ России как европейской страны, сформированный усилиями петровской модернизации XVIII – XIX вв., и поначалу интерпретируемый в характеристиках, подчеркивающих «универсализм» и «европейское» качество, постепенно изменяется – в нем нарастают черты уникальности и цивилизационной самобытности, отличающей россиян от европейцев [Ерохина, 2016. С. 11].

Таким образом, включение «сибирского» измерения в целостный образ России как страны, которая находится на перекрестье Востока и Запада, положило начало символическому расширению ментального ядра российской культуры. По мере того, как Сибирь утрачивала черты «другой России», а ее образные репрезентации включались в смысловое ядро российской культуры, сама Россия все более приобретала антиномические черты.

Этот антиномизм был проанализирован в трудах Н. А. Бердяева. В частности, Николай Александрович выделил ряд красноречивых парадоксов. Первый заключается в том, что русские, будучи самым аполитичным из всех известных ему народов, создали одну из самых крупных в мире империй. Второй парадокс он видел в том, что Россия остается самым нешовинистическим среди других европейских стран государством, а сами русские часто стыдятся того, что они русские (хотя это не препятствует спорадическим проявлениям национализма и национального бахвальства). Наконец, согласно Бердяеву, Россия, страна свободы духа, «странничества и искания Божьей правды», оказывается одновременно страной «неслыханного сервилизма и жуткой покорности», лишенной «сознания прав личности» [Бердяев, 1990].

Конечно, такой дуализм образа России имел не только «сибирские» корни. Политический контекст XVIII–XIX вв. связал Россию и Европу непростыми узами. Европа вызывала честолюбивые амбиции у российских властей. Осознание своей сопричастности к христианскому миру, необходимость в культурных заимствованиях порождали стремление сблизиться с Европой. Как тонко подметил наш современник Д. Н. Замятин, «странное это чувство – чувство Европы. И вряд ли его можно

свести к цивилизованности Европы и бытовой неустроенности России. Многие другие страны живут не лучше. Но ни у арабов, ни у турок, ни тем более у китайцев нет такого сакрального, бережного отношения к Европе. Более того, оказавшись в Европе, они создают свой маленький Китай, Турцию, Пакистан. Россию заново не создать» [Замятин, 2003. С. 45–46].

Ситуация усугублялась восприятием самой России европейцами как полуазиатской страны, что весьма болезненно переживалось российской элитой. Применительно к описанию геополитических циклов российской истории В. Л. Цымбурский предложил оригинальную метафору «похищения Европы». В частности, он выделяет несколько «европохитительских циклов», или периодов интенсивной конвергенции России в европейское пространство, каждый из которых перемежается так называемой «евразийской интермедией», когда Россия обращается к энергичному обустройству своих азиатских владений [Цымбурский, 1995].

Первая из таких «интермедию» охватывает период между окончанием Крымской войны и началом столыпинской реформы, вторая – период с начала «строительства социализма» до Второй мировой войны. Вехами первой «интермедию», исключительно важными для контекста сибирской «самоколонизации» России на рубеже XIX – XX вв., оказываются отмена крепостного права и столыпинская реформа, в хронологическом отрезке между которыми историки выделяют несколько волн крестьянского переселения в Сибирь из европейской части России. «Точкой сборки» целого в этой исторической ситуации является «европейское» качество населения в азиатской части страны, а фигурой, олицетворяющей целостность России в региональной мозаике, становится русский крестьянин, «укореняющийся» в сибирских реалиях [Ремнев, Суворова, 2004]. Проекцией же многообразия остается смешанная европейско-азиатская идентичность населения региона.

Именно в этот хронологический период на смену пугающему образу «дикой земли», нуждающейся в цивилизационном «окультуривании», приходит представление о Сибири как стране предприимчивых людей с сильным здоровым характером, которые при этом лишены высокомерия по отношению к другим сибирским народам. Сибирь более не рассматривается как «Иное», «не-Россия», отдаленная окраина, «которой будет прирастать могущество России». Сибирь становится «другой Россией», краем,

освоение которого сулит в будущем немалые выгоды [Родигина, 2006; Антипов, 2008. С. 86].

Трансформации образа Сибири в значительной степени способствовала активность самих сибиряков. Рост самоуважения повлиял на формирование региональной идентичности и регионального патриотизма. В истории идей такая ментальная трансформация образа Сибири оставила областнический проект, в котором регион в перспективе рассматривался как центральное пространство России [Селиверстов, 2007. С. 110]. «Если представить в будущем Сибирь также населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее» [Потанин, 1860. С. 196]. Как полагает М.В. Шиловский, именно сибирское областничество явилось предтечей евразийства [Шиловский, 1999].

Характеризуя принципы управления, которые вырабатывались российской властью в отношении Азиатской России, стоит отметить переход от стихийной крестьянской колонизации к целенаправленному переселению и формированию модели освоения края, основанной на инфраструктурных проектах и инвестициях в образование. В этой связи заслуживают упоминания и строительство Транссиба, и создание Томского университета. Имперская власть немало делает для формирования в Сибири сети школ и церквей, при которых получали начальное образование большинство россиян в конце XIX в.

Значимость «сибирского» поворота в общественном сознании трудно переоценить. Хотя исследование «сибирского текста» в русской культуре (литературе, изобразительном искусстве, кинематографе) остается за рамками данной статьи, тем не менее нельзя не упомянуть о том, что образ Сибири как края, где люди обычно по своей воле не оказываются, страны холода и смерти, долгое время довлел и в художественных произведениях, и в массовом сознании [Габдуллина, 2015]. Несмотря на обозначившееся в течение XX века изменение баланса позитивных и негативных характеристик имиджа Сибири в пользу позитива, представления о ней как о территории, семантически связанной с дикостью («медведи по улицам гуляют») и несвободой, до сих пор не преодолены у несибиряков, не говоря уже об иностранцах [Казначеев, 2005].

В хронологическом отрезке, обозначающем пределы второй, по Цымбурскому, «евразийской интермедии», осуществляется

смена экономической специализации региона. В 1920–1940-е гг. происходит переход от агро-индустриальной к индустриально-аграрной модели освоения края. Имидж Сибири дополняется новыми характеристиками молодого растущего социального организма. Сибирь перестает быть «другой Россией» и становится «просто Россией», без свойства, но и без нарочитого противопоставления центру. Точкой сборки в этом процессе оказывается индустриализация, которая не могла быть осуществима без квалифицированной рабочей силы и соответствующей производственной базы, без непосредственного государственного участия и влияния инноваций из Европейской России.

«Самоколонизация Сибири» совершается в процессе присвоения ею новых функций индустриальной кузницы и энергоресурсной кладовой, в дополнение к ее «исконным» транзитной и сырьевой функциям. В истории идей эта трансформация оставила проект строительства социализма в одной, «отдельно взятой стране». Реализация плана ГОЭЛРО, формирование промышленной инфраструктуры в годы первых пятилеток позволили создать за Уралом индустриальную базу, которая в период Второй мировой войны послужила экономическим и технологическим фундаментом независимости. Предприятия-дублеры, созданные здесь в предвоенные десятилетия, приняли на свои площадки эвакуированные заводы из оккупированных районов страны, послужив экономической основой восточного фронта. Великая Отечественная война усилила геополитическое значение Азиатской России, ставшей ее вторым стратегическим фронтом. Сибирский историк М. М. Ефимкин оставил запоминающийся образ, воспроизводящий целостность России через обращение к ее части (Уралу), с одной стороны, и оппозицию антагонисту (Западу), с другой: «В который раз Россия... “оттолкнувшись ногой от Урала” (В. С. Высоцкий), вновь устремляется на Запад... искупая своей кровью его “вольность, честь и мир” (А. С. Пушкин)» [Ефимкин, 2009. С. 294–295].

Проекциями же многообразия оказывались не только этнокультурные различия населяющих Сибирь народов, но и ее природно-климатическое и ландшафтно-географическое богатства, наличие множества хозяйственных укладов, уникальное лицо ее городов и историко-культурных областей, различие занятий, которыми доставали средства для жизни сибиряки. Элементом

многообразия оставалась также их религиозная жизнь и художественное творчество.

Не так много времени прошло с тех пор, как Сибирь стала восприниматься органичной частью России. Тем не менее дискуссии о том, является ли Азиатская Россия «исконной Россией», ее присоединенной частью или колонией, не прекращаются и сейчас. Однако наступивший XXI век бросает новые вызовы целостности сообществ, продуцируя различия. Референдумы в Шотландии, Каталонии и итальянской провинции Венето, нерешенные проблемы в Южной и Восточной Европе (Косово, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Донбасс) и т.д. вновь ставят в повестку дня вопрос о том, как культурная или географическая дистанция становится дистанцией неравенства.

Является ли экзотизация людей и территорий, неважно, в положительном или отрицательном значении, маркером неравенства? Представляется, что ответ может быть только утвердительным. Экзотизация позволяет снять печать «недоразвитости», отсталости, архаики благодаря позитивной коннотации тех характеристик, которые ранее рассматривались как негативные. Именно так романтизм в XIX в. возвышал архаику, чувственность и народность в противовес традиции Просвещения, для которой они оставались приметами вчерашнего дня, нуждающимися в преодолении. Означает ли это, что индустриализация, политические трансформации и рост индивидуализма способны стирать границы неравенства, выраженные в том числе и в диспропорциях регионального развития?

Применительно к Сибири можно ли сказать, что преодоление колониальной стигмы, которое началось с деятельности сибирских областников более столетия назад, завершено к настоящему времени? Регион остается местом притяжения для молодых людей со всего мира, путешествующих по Транссибу с целью «мир посмотреть и себя показать». Сибирь славится как родина шаманизма и экзотических религиозных культов, куда стремятся эзотерики из разных регионов России и из-за границы для того, чтобы приобщиться к «местам силы». Она остается местом свободы и символической надежды на то, что когда-то в России случится инновационный прорыв. Образ новосибирского Академгородка как кремниевой тайги, по аналогии с Силиконовой долиной

в Калифорнии, будит воображение наших современников. Чем обернутся эти надежды через сто лет?

Литература

Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.

Азиатская Россия. Атлас. Спб.: Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 61 л., 24 с.

Антипов Г.А. Имиджи Сибири – по их сути // Имиджи Сибири. Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 83–94.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.

Габдуллина В.И. Мотив смерти – воскресения в сибирском тексте Ф.М. Достоевского // Сюжетология и сюжетология. 2015. № 2. С. 101–108.

Ерохина Е.А. Этническое многообразие в социокультурной динамике России. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 31 с.

Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск: НГУ, 2009. 312 с.

Замятин Д.Н. Чувство Европы // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 45–46.

Казначеев С.М. Сибирь и Север как брэнды русской культуры // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2005. Т. 3, вып. 2. С. 75–80.

Каттелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 189–214.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Сибири XVIII – начала XX века: импери- и нацистроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции. Омск: Наука, 2004. Ч. 2. Избр. лекции. С. 4–58.

Ремнев А.В. Внутренняя геополитика Азиатской России конца XIX – начала XX вв. // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 184–203.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.

Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – XXв.) // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. 2007. № 3. С. 107–115.

Храмов А. Колониальная изнанка европейского костюма. Заметки о внутреннем колониализме в Российской империи (XVIII – начало XX века) // Вопросы национализма. 2012. № 10. С. 71–105.

Цымбурский В.Л. Циклы «Похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия») // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. Т. 2. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm>

Шиловский М. В. Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 102–111.

Эткинд А. М., Уффельманн Д., Кукулин И. В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 31–56.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Спб.: Издание И. М. Сибирякова, 1892. 750 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. Т. 5. С. 21–28.

Hechter M. Internal colonialism: the Celtic fringe in British national development, 1536–1966. Berkeley: University of California Press, 1977. P. XVIII, 361.

Статья поступила 07.12.2018.

Summary

Erokhina E.A., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

Siberia as an Object of Internal Colonization: Reproduction of Difference and Integrity Engineering

The article discusses the historical and sociological aspects of the transformation of the image of Siberia in the public consciousness of Russians in the XIX – XXI centuries. Based on the analysis of the texts of historians and philosophers of the past, as well as modern researchers, the reasons for the ambivalent perception of the region are shown. It is concluded that the integration of Siberia into the sociocultural space of Russia is the result of the latter's self-colonization. Modern exotisation of Siberia allows us to conclude that this process has not yet been fully completed.

Colonization; integrity; difference; N. M. Yadryntsev; Russia; Siberia

References

Ageev A.D. (2005). *Sibir i amerikanskij zapad: dvizhenie frontirov*. Moscow. Aspekt-Press. 334 p. (In Russ.).

Aziatskaya Rossiya. Atlas. (1914). Saint-Petersburg. Pereselencheskoe upravlenie Glavnogo upravleniya zemleustrojstva i zemledeliya. 61 l., 24 p. (In Russ.).

Antipov G.A. (2008). Imidzhi Sibiri – po ih suti. In: Imidzhi Sibiri [Images of Siberia]. Novosibirsk. Trendy. Pp. 83-94. (In Russ.).

Berdyayev N.A. (1990). *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow. Nauka Publ. 220 p. (In Russ.).

Gabdullina V.I. (2015). Motiv smerti – voskreseniya v sibirskom tekste F.M. Dostoevskogo. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and Plot Description]. No. 2. Pp. 101-108. (In Russ.).

Erokhina E.A. (2016). *Ethnicheskoe mnogoobrazie v sociokulturnoj dinamike Rossii*. Avtoref. diss. na soiskanie uch. st. d-ra filos. nauk. Krasnoyarsk. 31 p. (In Russ.).

Efimkin M.M. (2009). *Sibirskaya Rossiya. Socialno-industrialnaya adaptaciya*. Novosibirsk. NGU. 312 p. (In Russ.).

Zamyatin D.N. (2003). Chuvstvo Evropy. In: Imperiya prostranstva: Hrestomatiya po geopolitike i geokul'ture Rossii [Empire of Space: Reader on Geopolitics and Geoculture of Russia]. Moscow. Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN). Pp. 45-46. (In Russ.).

Kaznacheev S.M. (2005). Sibir i Sever kak brehndy russkoj kul'tury. Vestnik. NGU [Bulletin of the NSU]. Series: Philosophy. Vol. 3. No. 2. Pp. 75-80. (In Russ.).

Kappeler A. (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya: vozniknovenie, istoriya, raspad. Moscow. Progress-Tradiciya Publ. 344 p. (In Russ.).

Potantin G.N. (1860). Zametki o Zapadnoj Sibiri. Russkoe slovo [The Russian Word]. No. 9. Pp. 189-214. (In Russ.).

Remnev A.V., Suvorova N.G. (2004). Kolonizaciya Sibiri XVIII – nachala XX veka: imperi- i naciestroitel'stvo na vostochnoj okraine Rossijskoj imperii. In: Istoriya. Antropologiya. Kul'turologiya: Programmy i izbr. lekcii [History. Anthropology. Cultural Studies: Programs and Fav. Lectures]. Omsk. Nauka Publ. Ch. 2. Izbr. lekcii. Pp. 4-58. (In Russ.).

Remnev A.V. (2011). Vnutrennyaya geopolitika Aziatskoj Rossii konca XIX – nachala XX vv. In: Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost, gipotezy budushchego [Demographic Space of Asia: History, Modernity, Future Hypotheses]. Novosibirsk. Parallel Publ. Pp. 184-203. (In Russ.).

Rodigina N.N. (2006). «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. Novosibirsk. NGPU. 343 p. (In Russ.).

Seliverstov S.V. (2007). G.N. Potantin: Sibirskoe oblastnichestvo mezhdz zapadnichestvom i evrazijs'tvom (vtoraya polovina XIX – XXv.). Vest. Tomsk. gos. un-ta [Bulletin of the TSU]. Series: History. No. 3. Pp. 107-117. (In Russ.).

Hramov A. (2012). Kolonialnaya iznanka evropejskogo kostyuma. Zametki o vnutrennem kolonializme v Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka). Voprosy nacionalizma [Issues of Nationalism]. No. 10. Pp. 71-105. (In Russ.).

Cymburskij V.L. (1995). Cikly «Pohishcheniya Evropy» (Bol'shoe primechanie k stat'e «Ostrov Rossiya»). In: Inoe: Hrestomatiya novogo rossijskogo samosoznaniya. [Other: Reader of the New Russian Self-Consciousness]. Moscow. Argus Publ. Vol. 2. Available at: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm> (In Russ.).

Shilovskij M.V. (1999). Sibirskie korni evrazijs'tva. In: Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij [Eurasia: the Cultural Heritage of the Ancient Civilization]. Novosibirsk. NGU. Pp. 12-111. (In Russ.).

Etkind A.M., Uffelman D., Kukulin I.V. (2013). Vnutrennyaya kolonizaciya Rossii: mezhdz praktikoj i voobrazheniem. Politicheskaya konceptologiya [Political Conceptology]. No. 2. Pp. 31-56. (In Russ.).

Etkind A. (2013). Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p. (In Russ.).

Yadrynev N.M. (1892). Sibir kak koloniya v geograficheskom, ehtnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Saint-Petersburg. Izdanie I. M. Sibiryakova. 750 p. (In Russ.).

Yadrynev N.M. (1899). Sibir' pered sudom russkoj literatury In: Literaturnoe nasledstvo Sibiri [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk. Nauka. Vol. 5. Pp. 21-28. (In Russ.).

Hechter M. (1977). Internal colonialism: the Celtic fringe in British national development, 1536-1966. Berkeley: University of California Press. P. XVIII, 361.